

Су Цзыси замер, почувствовав странный холод по спине.

— Наставник, я не знаю, какой яд попал в императора, и как его лечить... — Врач с виноватым видом смотрел на Е Тана.

Е Тан молча подошёл, взял руку Хань Цзиня и начал измерять пульс.

Через некоторое время его взгляд стал ещё холоднее.

— Держите языки за зубами. Если хоть одно слово просочится, никто из вас не останется в живых, — наконец произнёс Е Тан, впервые заговорив с момента прибытия.

Все присутствующие поспешно согласились.

Су Цзыси лишь сжал кулаки, молча наблюдая за Е Таном.

Тот, очевидно, не собирался обращать на него внимание, лишь молча нашёл серебряные иглы в покоях Хань Цзиня.

В этот момент Су Цзыси вдруг приказал двум телохранителям:

— Наставник подмешал яд в пирожные, пытаюсь убить императора. Сейчас же арестуйте его и отправьте в темницу до вынесения приговора!

Те двое лишь мельком посмотрели на него, даже не желая реагировать.

Если бы Хань Цзинь не проявлял к нему симпатии, Су Цзыси уже давно был бы мёртв.

Утверждать, что Е Тан отравил Хань Цзиня, было просто смешно. Кто на самом деле это сделал, было очевидно.

— Вы что, не слышали? Я сказал, что Е Линшуан замышляет недоброе, быстро арестуйте его! Император съел его пирожные и теперь в таком состоянии! — Су Цзыси стиснул зубы, крича на них.

Прошлой ночью Хань Цзинь вдруг захотел пирожных, которые готовил Е Тан, и лично пришёл во дворец Яньцин, разбудил спящего Е Тана и заставил их приготовить.

Он съел их глубокой ночью, а утром был отравлен.

Е Тан прекрасно понимал, что это дело рук Су Цзыси, но сейчас у него не было времени разбираться с ним.

Когда те двое проигнорировали его, Су Цзыси наконец вытащил что-то из-за пояса и показал присутствующим:

— Видите это?! Я сказал, арестуйте Е Линшуана и отправьте в темницу!

В руке у Су Цзыси была нефритовая подвеска.

Е Тан подарил её Хань Цзиню в год его восшествия на престол. Император, боясь потерять, обычно не носил её с собой, а хранил отдельно.

Поэтому подвеска в руках Су Цзыси не могла быть украдена — единственное объяснение, что

Хань Цзинь лично дал её ему.

Видеть подвеску — всё равно что видеть самого императора.

Теперь приказы Су Цзыси были равносильны приказам Хань Цзиня.

Действительно, увидев подвеску, все в зале изменились в лице, а двое телохранителей выглядели крайне растерянными, нерешительно глядя на Е Тана.

Взгляд Е Тана был ледяным, как никогда.

Су Цзыси почувствовал дрожь по всему телу, едва не уронив подвеску.

— Быстрее! Арестуйте его! — Су Цзыси, испугавшись, закричал на них.

Имея подвеску Хань Цзиня, они не могли послушаться, поэтому, извинившись, подошли, чтобы арестовать Е Тана.

Тот посмотрел на них и спокойно сказал:

— Сначала позвольте мне нейтрализовать яд.

Они поспешно согласились.

Даже с подвеской Су Цзыси они скорее нарушили бы приказ, чем помешали бы Е Тану спасти императора.

Е Тан не стал терять времени, вонзив серебряные иглы в точки на теле Хань Цзиня.

Он знал, что Су Цзыси использовал обычный яд, который легко нейтрализовать и который не был смертельным, иначе тот не осмелился бы на такое.

Но Хань Цзинь был необычен — в его теле уже был сильный яд, и даже обычный мог стать для него опасным.

После нейтрализации яда Е Тан сам отправился в темницу.

Перед уходом он глубоко посмотрел на Су Цзыси и спокойно сказал:

— На этот раз ты действительно меня разозлил.

Эти слова заставили Су Цзыси содрогнуться, но, прежде чем он успел что-то сказать, Е Тан уже ушёл.

Глядя на его спину, Су Цзыси стиснул зубы, сжимая кулаки так, что кости хрустели.

Что бы ни случилось, если он сможет навредить Е Тану, он готов на всё.

Он просто хочет, чтобы Е Тан перестал быть таким высокомерным.

Е Тан провёл в темнице полдня, и это не было для него трудным испытанием. Его даже не посадили в камеру — он просто нашёл стол и начал писать рецепты лекарств, которые нужно было давать Хань Цзиню в ближайшие дни.

Он не знал, как скоро сможет выйти, поэтому решил сначала подготовить рецепты.

Писав некоторое время, он спокойно приказал:

— Разотрите тушь.

Никто не подошёл, чтобы выполнить его просьбу, но вместо этого появился Хань Цзинь.

Е Тан остановился и поднял на него взгляд.

— Император пришёл в себя? — спокойно спросил он.

Хань Цзинь молча вытащил из его рук рецепты и некоторое время изучал их.

Там были не только рецепты, но и заметки о том, что нужно учитывать.

Хань Цзинь сразу понял, что Е Тан писал это для него.

— Ты всё ещё заботишься обо мне, не так ли? — Его голос был спокоен, но в нём чувствовалась лёгкая дрожь.

Е Тан сжал губы и вдруг усмехнулся:

— Император намеренно отравился, чтобы проверить меня?

— Ты думаешь, я мог попасться на его уловку? — Хань Цзинь не видел ничего плохого в своём поступке.

Е Тан усмехнулся и бросил кисть:

— Император шутит. Я просто пытаюсь спасти свою жизнь, ведь меня уже посадили сюда. Вы пришли, чтобы выпустить меня?

Хань Цзинь пристально смотрел на него, губы его были сжаты, и он ничего не говорил.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, а затем Е Тан встал, поправил волосы, выпавшие из-за ворота одежды, и спросил:

— Могу я выйти?

Хань Цзинь молча подошёл и крепко обнял его.

— Дай мне объяснение. Что бы ты ни сказал, я поверю, — его голос дрожал.

Е Тан сжал губы, стоя неподвижно и молча.

Хань Цзинь обнял его ещё крепче:

— Говори...

Они стояли так некоторое время, а затем Е Тан отстранился, убрав руки Хань Цзиня с его талии.

— Мне нечего сказать, — его голос оставался спокойным.

Хань Цзинь замер.

Атмосфера между ними стала крайне напряжённой.

— Почему... — Хань Цзинь смотрел на него с покрасневшими глазами. — Ты даже не можешь соврать мне?

— Говори! Е Линшуан! Соври мне хоть раз! — Хань Цзинь вдруг схватил его за воротник, крича на него.

Дыхание Е Тана участилось, но он лишь снял руки Хань Цзиня и молчал.

— Как ты мог так поступить, как мог... — Хань Цзинь скрежетал зубами, бормоча.

Е Тан спокойно отвел взгляд, не желая говорить.

— Как ты мог так поступить со мной! — Хань Цзинь в ярости схватил его за запястье, сжимая так сильно, что казалось, кости вот-вот сломаются.

— Все эти годы я слушал всё, что ты говорил, ты управлял всем... Ты забрал у меня всё, и я никогда не ненавидел тебя...

Хань Цзинь становился всё более взволнованным, его голос дрожал:

— Как умерла моя мать, ты забыл?! Это всё из-за тебя!

При этих словах выражение лица Е Тана наконец изменилось, став болезненным.

— Она была единственной, кто хорошо ко мне относился... — Хань Цзинь сжал руку Е Тана так, что каждое слово давалось с трудом.

Е Тан слушал его обвинения, пока наконец не выдержал, резко оттолкнул Хань Цзиня, и эмоции вырвались наружу.

— Почему я так поступил?! Если бы я этого не сделал, ты бы умер! Разве я мог позволить тебе умереть?! Разве я мог не спасти тебя?! — Е Тан, что было редкостью, закричал, теряя контроль.

Хань Цзинь тяжело дышал, глядя на Е Тана, на его лицо, которое наконец перестало быть бесстрастным.

— Сколько тебе тогда было? Десять лет, разве я мог позволить тебе погибнуть?! — Е Тан опрокинул стол рядом, крича в ярости.

Хань Цзинь редко видел, как Е Тан так теряет самообладание, и теперь просто стоял, не зная, что делать.

В его памяти Е Тан так терял контроль лишь несколько раз.

[Авторских примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16216/1456216>